

Илья Таранов

Как Стенька Разин по Волге ходил...

Повесть

*Есть на Волге утёс, диким мохом оброс
Он с боков от подножья до края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная...*

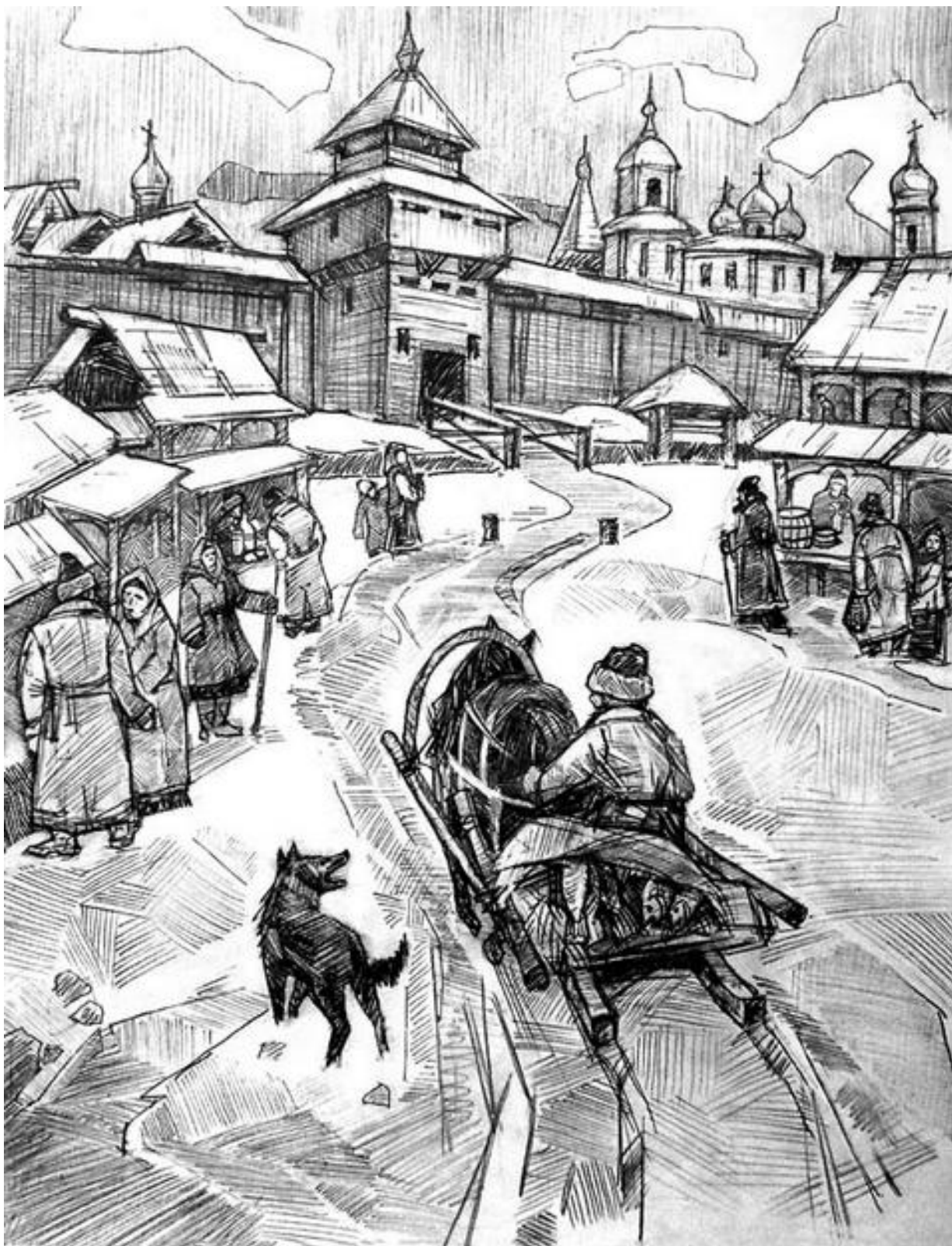
Стихотворение «Утёс Стеньки Разина»
А.А. Навроцкий

Вступление

Во времена царствования великого русского царя Алексея Михайловича в России произошёл народный бунт под предводительством Степана Разина. Донские казаки собрались в большое войско и начали промышленять разбоем в казачьих областях на Нижней Волге и Дону. Они захватывали купеческие караваны, крепости, грабили зажиточных горожан и привечали бедняков. Лихого казака не брала ни пуля, ни сабля. Слава о Степане Разине как добром и щедром атамане стремительно росла среди русского народа, отчего бежали к нему крестьяне и голытьба, обиженные притеснением воевод и обременённые барскими повинностями.

Собрав большое казачье войско, Степан Разин отправился на чужбину в Каспийское море, где наводил страх на персидские берега. Вернувшись на родной Дон, бесстрашный атаман с казаками засел в Кагальницком городке. Там они зимовали и ожидали весны, чтобы отправиться в новые походы.

С этого исторического момента начинается эта повесть, чтобы описать пытливому читателю крестьянский бунт во главе с казачьим атаманом, наречённым в русском эпосе атаманом-батюшкой Стенькой Разиным. Самому читателю оставляю право судить о поступках главных героев этой повести. Себе лишь позволю небольшой авторский вымысел, ничуть не искажающий нашу великую и многострадальную историю.

Глава 1.

Накануне Масленицы в солнечный мартовский полдень 1670 года, по ещё крепкому волжскому льду неспешно двигалась лошадь, запряжённая в крестьянские сани.

В саях на лежалой соломе в тёмном зипуне¹ сидел подросток лет десяти. Время от времени он по-мужицки уверенно и звонко кричал: «Но, дохлая! Но, родимая!»

Старая кобыла мотала головой и не спеша трусила в сторону крутого заснеженного берега. На его вершине за бревенчатыми стенами симбирского кремля² сияли купола соборной церкви. С высоты сторожевой башни стрельцы следили за саями, которые, наконец, сошли со льда и поползли вверх по извилистой дороге. Первый караульный, в суконном кафтане и в шапке с меховым околышем сказал:

- Рыбак Кузьма везёт нашему воеводе свежую рыбицу.

- Ставлю пятиалтынный², - ответил второй, - то рябой Гришка, сын его.

В час пополудни рыжая кобыла прошагала мимо грозных стрельцов с бердышами³, охранявших кованые въездные ворота крепости. Полозья скрипели по тяжёлому снегу, сани-розвальни миновали воеводский двор, завернули за конюшню и остановились между соляными погребями и бревенчатым ледником⁴.

- Тпру, дохлая, поворачивай оглобли! - звонко крикнул паренёк, натягивая вожжи. Он ловко спрыгнул с саней, снял овчинную шапку и поклонился в пояс вышедшему навстречу приказному дьяку в чёрном кафтане.

- Доброго здравия, дядя Онуфрий!

Дьяк был высокого роста, худ и бледен.

- Гришка-разбойник пожаловал в симбирский кремль! - сердито буркнул он мальцу, заглядывая в сани. - А где сам старшой Кузьма?

- Батя на Волге. Ловля плоха, меня послал в город сдать улов, - Гришка боялся колючего взгляда дьяка и тупил глаза в землю.

- Вижу, окаянный! Ловля, вишь, плоха, поймали петуха, повели за ворота, там били до пота... - бурчал дьяк. - Сколько здесь?

- Пять пудов окуней, дядька Онуфрий, три пуда судариков⁵ да четверть щучьей породы, - бойко ответил Гришка. Дьяк усмехнулся:

- Ишь ты, щучьей породы! Тут и полчетверти не будет! Судачков-то не боле пуда! Вот прутком бы тебя отхлыстать! Господи, сохрани меня, грешного, - он отпер замок ледяного склада. - Заноси!

Подьячий Пронька и два служилых мужичка бросились считать и складывать рыбу в холщовые мешки.

Дьяк был доволен уловом, но его тощавое скуластое лицо ничего не выражало, кроме безразличия к этому солнечному ветреному дню.

1 Зипун – верхняя одежда у крестьян, представляет собой кафтан без воротника.

2 Пятиалтынный – пятнадцать копеек.

3 Бердыш – холодное оружие в виде топора (секиры) с искривлённым, наподобие полумесяца, лезвием, насаженным на длинное древко.

4 Ледник – погреб со льдом или снегом.

5 Сударики – судаки.

- Езжай с богом, - сказал он Гришке с ехидной усмешкой, - да передай отцу, щучьей его породе: воевода наш, Иван Богданович, сердает, что мало рыбы ловит отцовская артель.

Гришка нахлобучил шапку и запрыгнул в сани:

- Но, дохлая! Но, родимая! Пошла!

Видимо, и лошади было не в радость находиться вблизи злобного дьяка, иначе бы она не взяла так резво с места галопом. Гришка не ожидал такой прыти от рыжей клячи и свалился с саней, но не отпустил поводья.

- Тпру, дохлая! Стоять!.. Тпру!..

Глава 2.

Лошадь встала, мотая головой и хвостом. Гришка с минуту лежал, крепко сжимая в руках вожжи, наконец, поднялся, осматривая порванный зипун. Шапка слетела с его головы.

- Смотрите-ка, Гришка рябой заблудился! – раздался весёлый смех.

Вокруг толпой стояли разряженные дворянские дети в добротных шубах и кожаных сапогах. Со стороны казалось, что они встретили старого приятеля.

- Он ищет дом воеводы! – воскликнул один из весёлой ватаги.

- Его ждут на званый обед! – посмеивались другие.

- Он приехал с грамотой от самого царя! – добавил кто-то, и все дружно засмеялись.

Гришка не обращал внимания на обидные подтрунивания. У него ныло плечо и учащённо билось сердце от пережитого испуга: не за себя, а за лошадь, которая могла понестись да свалиться в глубокий ров, окружающий стены кремля.

Здесь следует сделать отступление и рассказать, что города-крепости в те давние времена строились на высоких берегах для защиты Московского государства от набегов кочевников и охраны речного пути. Рубленая крепость и называлась кремлём.

Необыкновенный вид открывался с крутого берега на простор широкой Волги с замершими в ней островами, на крутые снежные берега, изрезанные оврагами, на дальние деревушки и селения. Но сейчас этой красоты Гришка не видел. Он потянулся за своей шапкой, но кто-то упредил его:

- А ну-ка, рябой, отбери!

Гришка кинулся было за ней, но шапка пошла по рукам смеющихся подростков. Всю эту картину, начиная с того момента, когда лошадь зашла в ворота кремля, наблюдали стрельцы на сторожевой башне:

- Досталось сегодня нашему мальцу.

- Ставлю два алтына⁶, другим тоже достанется.

- Неужели!

- Гришка - сущий сорванец!

⁶ Алтын – русская монета достоинством три копейки.

- Против Гришки целый отряд!
- Он себя не даст в обиду!
- Поглядим...

Когда шапка оказалась в руках самого маленького подростка, тот протянул её хозяину:

- Возьми, Гришка, холодно!

Но не тут-то было. Рослый мальчишка, которого звали Фёдор, с широким, как фарфоровое блюдо лицом, перехватил шапку:

- Мишка, размазня! Мы ещё не наигрались!
- Эй, рябой, езжай домой! - слышались выкрики.

Гришка нахмурился и двинулся вперёд.

- Дай ему, Федька! – засмеялись подростки.

Федька, выпячивая грудь, шагнул вперёд, а Гришка юркнул к его ногам, схватил обидчика за сапоги да потянул на себя. Фёдор запрокинулся, замахал руками, как пойманный за лапы гусь, повалился неуклюже на спину, взвизгивая и ругаясь по-бабьи. Бархатная шапка с бобровым околышем закатилась под лошадь. Рыжая оживилась, понюхала находку, но, не обнаружив в ней пользы для своего желудка, отвернула морду и нетерпеливо ударила копытом в снег, будто требовала от своего хозяина: «Заканчивай, Гришка, этот уличный балаган!»

Фёдор живо подполз на четвереньках к своей драгоценной шапке, схватил её и стремительнее кинулся прочь, вызывая бурный хохот своих же товарищей.

Гришка по-разбойничьи свистнул, сжал кулаки и всем своим видом дал понять, что сейчас же даст бой любому обидчику. Подростки попятились, один споткнулся, увлекая остальных за собой. Образовалась куча-мала, из которой неслись и визг, и хохот. Только Мишка молча стоял в стороне и с каким-то взрослым недоумением смотрел вокруг. Гришка поднял свою шапку и глянул на Мишку:

- Давай дружить!

Тот утвердительно кивнул. Гришка вытащил увесистый толстый гвоздь с набалдашником и протянул новому другу:

- Тебе!

Мишкины глаза загорелись: каждый мальчишка мечтал иметь собственную свайку⁷, а здесь настоящая, кованая.

Гришка с торжествующим видом забрался в сани:

- Но, родимая! Но, дохлая!..

Подростки с завистью рассматривала неожиданный подарок: по какому случаю Мишке-тихоне досталась такая нужная вещица.

Караульные стрельцы на башне горячо обсуждали увиденное:

- Гришка себя не дал в обиду!
- А я что говорил? Показал свой характер.

⁷ Свайка - заострённый железный стержень длиной около 12 см с массивной головкой для одноименной игры.

- Казацкая у нашего Гришки кровь! Сущий Стенька Разин! Говорят, лихой атаман всех в своё войско принимает.

- Тише ты, окаянный, никак сотник услышит, получим батогов⁸!

Глава 3.

Гришка выехал из крепостных стен кремля, миновал казённые лавки, рубленые купеческие дома, харчевню, торговые ряды и постройки на заснеженных улицах посада. Рыжая лошадёнка за день утомилась и еле плелась. Гришка не торопил. У гончарной слободы его нагнал мальчишка в синем зипуне, в стоптанных лаптях и без шапки, проворно запрыгнул в сани и весело хлопнул ездока по спине:

- Здорово, Гришка!

- Здорово, Николка!

- Чуй, Гришка, дело спешное!

- Куда ж торопиться!

- На Масленицу посадские ребята будут биться с городскими. Приходи!

- Приду!

⁸ Батог – палка или прут для телесного наказания.

- Гришка, в прошлом году нас побили!

- Слышал.

- В этом мы побьём!

- Побьём, ежели нас не побьют, - Гришка дружески толкнул плечом Николку. Тот ответил. Мальчишки начали весело бороться. Рыжая остановилась, размышляя, для кого так стараются молодцы. Навстречу в дорогих санях с резьбой и украшениями ехал купец. Скучные улицы посада клонили его в сон, а тут такое зрелище!

- Эй, петушиный народ! Чего меж собой не поделили! – рявкнул он.

- Чуй, дяденька, на Масленицу будем бить боярских, - ответил Николка, стряхивая с головы солому.

- За что же им такие пряники? – усмехнулся купец.

- Пряников у нас нет, - вставил Гришка.

- Ну, стало быть, сахарные леденцы! – купец пытался оставаться серьёзным.

- Нет леденцов у нас, дяденька! - ответил Гришка.

- Так значит, изюм с мёдом! - развел руки в стороны купец.

- Это только на Рождество, дяденька, - сказал Николка, - а вчера бабка Алёна подавала пироги с грибами.

Купец сделал сожалеющее лицо и посмотрел по сторонам. Несколько зевак собрались вокруг и посмеивались.

- Значит, боярским достанутся пироги с грибами? – переспросил купец.

- С грибами! – весело кивнул Гришка.

От разразившегося хохота рыжая вздрогнула, зеваки широко заулыбались, купец дёрнул вожжи и поехал дальше, продолжая растворять уличную скуку добродушным хохотом.

- Почему купец смеялся? – смотрел ему вслед Гришка.

- Чуй, рыжая голова, купец пироги с грибами любит?

- Любит, поэтому толстый, как сом.

- Я люблю, а не толстый!

- Ты костлявый, как окунь! - засмеялся Гришка.

- А, ты колючий, как ёрш! - ответил Николка.

Они начали было опять толкаться, да Николка вспомнил:

- Ладно, рыбицу продашь? Дед Степан наказывал.

- Под соломой глянь. Два сударика по пять кило. Батя сказал семь копеек просить.

- Дед дал только пять!

- Бери! Две копейки после отдашь...

- Отдам... - и Николка поволок по снегу судаков, связанных суконной верёвкой.

Сани миновали околотки и пригород Симбирска и по крутому спуску сползли к приземистым избам Успенской слободы, притороченным к подножию берега залубеневшей Волги.

- Тпру... - Гришка остановил лошадь во дворе неказистого сруба, потемневшего от времени, но сейчас приукрашенного снегом, и казавшегося гришкиной душе каким-то сказочным теремком, от которого исходил тёплый пряный дух, подсказывая мальчишке, что здесь он сможет сытно откусать мамкиных горячих пирогов.

Гришкина мать с ухватом в руках стояла у печи и глядела на румяный глиняный горшок, томящийся на багряных углях.

- Прилетел, ясный соколик! – улыбнулась она сыну. – Дверь-то прикрывай плотнее, ветер гулеванил по сням.

- Чуй, мамка, был я в городе, дьяку Онуфрию рыбицу отвёз.

- Что же, доволен был дьяк?

- Грозился, что воевода серчает - мало рыбицы возим в казну.

- Ох, ангелы небесные!

- Есть хочу, - Гришка косился на горшок в печи.

- Садись-ка к столу, милоч!.. Эй, девицы-красавицы, забирайтесь на лавку, кашу-малашу кушать будем, - крикнула она гришкиным сестрёнкам. Те играли в тряпочные куклы в углу на большой укладке.

Две девочки-погодки лет семи-восьми в длинных домотканых платьях и овчинных безрукавках мигом спрыгнули с сундука да к столу.

- Я рядом с Гришкой! – весело толкались и визжали они.

Гришка положил на стол пять копеек:

- Николке судариков продал.

- Ох, ангелы небесные, работник ты мой ненаглядный! – мать с нежностью погладила Гришку по голове.

Глава 4.

Тем временем во дворе дома симбирского воеводы был большой переполох. А учинил его дьяк Онуфрий.

- Погубили отпрыска дворянского, Фёдора Кузьмича! - гнусаво голосил дьяк.

На шум сбежались служилые люди. На широкое крыльцо вышел воевода окольниковый Иван Богданович Милославский. Он в спешке накинул на шёлковую рубаху только узкий длиннополый кафтан да надел бобровую шапку.

- По какой причине народ гоношишь, Онуфрий? - пробасил воевода.

- Подданных ваших обижают!

- Кого же обидели? – тот оглаживал свою окладистую бороду.

- Фёдора Кузьмича, племянника вашего, - подобострастно ответил дьяк.

Воевода насторожился:

- Что с Фёдором случилось?

- Побили его крепко, - ехидно ответил дьяк.
 - Кто ж посмел? - нахмурил воевода густые брови.
- Дьяк хитро сощурился:
- Известно, кто у нас зачинает драки да бунты, - тягловые людишки!
 - Не юли, Онуфрий! - рявкнул воевода.

- Сказываю, воевода-боярин, как на духу. Прислал ко мне нынче старшой Кузьма с Успенской слободы Гришку своего малого с рыбой для сдачи в казну. Накинулся тот Гришка на Фёдора Кузьмича, да поколотил шибко. Живой ли он, не ведомо мне. Как началось сие побоище, так я как пёс с докладом к вашей боярской справедливости явился.

Воевода перестал оглаживать бороду, бросил недоумённый взгляд на жалобщика:

- Какая же причина была у Гришки?
- Причину надо спрашивать с его отца.

В это самое время из-за гарнизонной конюшни выскочила ватага дворянских детей во главе с весёлым Фёдором. Воевода улыбнулся:

- Дьяк у места, что кошка у теста. Привиделось тебе чего, Онуфрий?
- Побил малец Гришка Фёдора, мои стрельцы видали, - сказал сотник.
- Драка честная была?
- Впятером на одного, воевода, - ответил военачальник.

- Так бы наши ратные люди бились с разбойным войском атамана Стеньки Разина... Сотник! Проверить караулы!

Служилый люд стал расходиться, воевода направился было в дом, да дьяк остановил:

- Постой, боярин Иван Богданович, дело государственное!
- Что не так, Онуфрий?
- Виноватого к ответу не призвали.
- Какой спрос с мальчика?
- Гришка дерзок. На дворянского отпрыска руку поднял!
- Гришка - храбрец!
- Наказать надо его отца - Кузьму.
- Кто ж так решил?
- У меня с Кузьмой старые счёты.
- А у меня всё по закону, Онуфрий.

Дьяк прищурил глаза:

- Ежели безнаказанным оставить это дело, так завтра нас побьют, Иван Богданович! Сам ты, воевода-боярин, вспомнил Стеньку Разина.

- Дело говоришь, Онуфрий.
- Поблажку чёрному люду давать нельзя!

Воевода помедлил и ответил:

- Передай губному старосте мой приказ: пускай спрос учинит Кузьме.

- Слушаюсь, воевода-барин! - дьяк поклонился ниже пояса, скрывая довольную усмешку.

Глава 5.

На Масленицу Гришка с друзьями сладили под горой большую соломенную куклу, надели поверх старый рваный кафтан и холщовый платок и весь день

пропадали на соборной площади: катались на снежных горках и качелях, бегали за расписными санями богатых горожан, таскали с уличных столов сладкие яства.

К вечеру Гришка вернулся домой весёлый, уставший и голодный. За столом сидела вся его семья: отец, мать, старший брат Ерёмка и две сестрёнки. Кроме них были седой дед Василий и чернобородый дядя Пахом.

Как только Гришка ввалился в избу, все обернулись. Он подскочил к столу и с жадностью схватил блин, густо обмазанный мёдом.

- Где до темени томашился, Гришка? - спросил отец.
- С Николкой катался на боярских санях.
- Кто же разрешил?
- Боярин.
- Бреешь, - усмехнулся Ерёмка.
- Чуй, еловая голова, Мишка - сын боярский - позвал нас в сани!
- Ну!
- А то! Сани расписные, сукном покрыты.
- Отчего же Мишка был таким добрым?
- Сдружились мы с ним за вчера.
- Ох, ангелы небесные, как же ты, соколик мой, с боярскими дружбу завёл?
- А так, мамка, они поколотить меня грозились, так я их одолел.
- А Мишка?
- Он не лез в драку, шапку мне подал.
- Кому же досталось?
- Фёдке толстому и досталось.
- Ну!
- А то! Он первым полез.
- Что ж сразу про это не поведал?
- А то и не поведал, мамка, что не спрашивали.
- Вот чертяга, весь в батю, - сказал дед Василий.
- Кто ж видал ваше побоище?
- Тонявый дьяк Онуфрий.
- Разнял драчунов?
- Нет... Как увидал Фёдку на снегу, так утёк за конюшни.
- Бреешь! Тебя что ль испугался?
- А то! - Гришка широко улыбнулся.
- Кузьма, детишкам спать пора, - прервал разговор дед Василий.

За слюдяными окошками избы почернело. Отец встал, зажёг новую лучину, прогнал детвору на печь, а сам опять к столу. Дед Василий продолжил вполголоса:

- Слышь, Кузьма, конюх-то боярский верно говорил.
- Ну!

- Сказывал, что Гришка поколотил Фёдора - племянника воеводы.
- Что ж с того?
- Воевода с тебя спросит за побитого племянника.
- Воевода - боярин справедливый! – ответил Кузьма.
- Дьяк наговорил воеводе с три короба! Воевода дал указ тебе допрос учинить.
- Не беда.
- Кузьма! Кто на допрос к губному старосте попадёт, батогов получит исправно, - добавил дед Василий.
- Стерплю!
- Эх, Кузьма, дьяк добьётся - нещадно бить будут.
- Ой-ли!
- Перо страшно не у гусака, а у дьяка. Засудят!
- Сеньку с Ямской слободы за пять алтын били нещадно.
- Ох, ангелы небесные, что делать нам, грешным?
- Нечем платить долгу - беги на Волгу! – мотнул головой дед Василий.
- Послушай меня, Кузьма, - придвинулся ближе Пахом, - в казаки надо податься - на вольный Дон.
- Ох, ангелы небесные, худое говоришь, Пахом.
- Я сам надумал в казаки!.. Завтра ухожу. Барин мне спуску не даёт, бьёт за всякую малость. Пошли со мной, Кузьма.
- Дело предлагает Пахом, - добавил дед Василий.
- Что я в казаках делать стану? Саблю в руках не держал.
- Научат, Кузьма.
- Ждут ли нас?
- Атаман Стенька Разин всю голытьбу с радостью принимает, - ответил дед Василий.
- Сказывай, дед, всё, что знаешь про Разина!
- Не торопи, ночь длинная, расскажу, что вспомню...

Глава 6.

Гришка не спал, ворочался от жары. Смотрел в угол избы на большие тени. Они казались невиданными животными: то замирали в забавных позах, то набрасывались друг на друга, размахивая то ли ручищами, то ли крыльями, которые вырастали у них на плечах и головах. О чём говорили и спорили эти тени, Гришка не понимал. Когда же одна странная тень заговорила голосом деда Василия и стала рассказывать про лихого атамана, Гришка замер и прислушался.

- Так вот, родные, слушайте! Живёт на Дону смелый и удалой казак Степан Разин. С малолетства держит Степан в руках саблю, запрягает коня и лихо садится в седло. Он богатырского сложения и необычайной силы – подкову враз разгибает. Как ветер скачет он на чёрном коне. Удадь молодецкая не даёт

молодцу дома сидеть: раздолья донской степи мало этому истому казаку. Ходит он с лихим войском на Волгу и в Персию. Ни острый клинок, ни пуля его не берёт. Заговорённый он от смерти. Так молва донесла сказ о Стеньке Разине...

- Огонь гаснет, отец!
- Мать, где косарь? Лучину новую срежу.
- Где ж ему быть? Подле печки...

Кузьма взял большой острый нож, срезал с сухого поленца длинную тонкую щепку и вдел её в железный светец. Лучина разожглась, ярко освещая лица слушателей. Василий продолжил:

- Отец Степана Разина слыл смелым донским атаманом. Правду говорят или брешут, но будто захватил он в походе у Азова молодую турчанку. Стала она его женой. У неё родилось три сына, среднего нарекли Степаном. От отца достались Степану небывалая удаля и казачье везение. Выучил он турецкий, татарский и калмыцкий языки, бают⁹, что и другие знает. Боевое крещение Степан получил в разбойных походах против турецких войск под Азовом. Когда ему было 33 года, он командовал отрядом казаков и ходил в большой поход с запорожцами и калмыками на крымского хана. Вернулся с богатыми трофеями¹⁰. Всё раздал казачьей бедноте. Стал Степан Разин в донском войске известным казаком.

- Каков же Степан Разин с виду-то?

- Не томи, дед!

- Говорят, широк в костях, кудри смоляные, брови как углём нарисованы!.. Глаза ястребиные, лицо в шадринках, густая стриженная борода!.. Кафтан персидский нитями золотыми прошитый, жемчугами и камнями драгоценными украшен, сабля узорчатая. Взором приманит - не отпустит, всю душу твою высмотрит, да если хитрость и лесть подметит, сверкнёт страшными глазами да медным голосом перевернёт все твои печёнки!

- Ох, ангелы небесные, куда же ты, Пахом, Кузьму моего отсылаешь?

- Не причитай, мать! Не обижает Степан Разин бедный люд!

- Ох, ангелы небесные! Хватит страху нагонять. Спою вам потихоньку, сердце смягчится.

Изба наполнилась низким певучим голосом:

А схватились удалые да в охабочку,
 Да по-мужицки они, по-деревенски же
 Бьются день они, да другой денёк,
 Сила силушку к земле-матушке
 Пригибает низ да как травушку...

В избе стемнело. Кузьма зажёл новую лучину. Гришку одолевала дрёма; матушкин голос привычно убаюкивал. Таинственные тени замерли, ветер задувал в слюдяные окошки. Пламя колыхнулось, тени двинулись; Гришка погрузался в

⁹ Баять – говорить.

¹⁰ Трофеи – вооружение и имущество противника, захваченное победителем в ходе боевых действий.

крепкий сон. Ему казалось, что кто-то прискакал к их избе. Гришка вышел во двор и увидел на белом коне огромного богатыря с чёрной бородой в ярком кафтане с золотыми пуговицами. У богатыря из тёмных глаз сыпались искры. Он кивнул Гришке и позвал своей ручищей сесть в седло. Гришка оглянулся, а избыто нет! Вокруг боярские дети смеются над ним: он босой и в одной рубахе стоит по колено в снегу. Тогда Гришка кинулся было к богатырю, да снег глубокий выбил его из сил. Гришка упал в сугроб и не может подняться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на [ЛитРес](#).